

Поиск коалиционного президентства наощупь

Мы публикуем статью наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

В начале сентября после насыщенных переговоров президент Франции назначил нового премьер-министра. Эмманюэль Макрон выбрал представителя партии “Республиканцы” (LR), а не кандидата от левой электоральной коалиции, которая получила больше всего голосов на выборах, утверждая, что правительство Нового Народного фронта (ННФ) сразу же провалится в парламенте.

Европейский сигнал

Выбор пал на Мишеля Барнье, 73-летнего голлиста. Это назначение открывает перспективу коалиционного правительства между силами Макрона и правыми. Сюрпризом стало то, что с назначением Барнье согласилось “Национальное объединение” (НО). Марин Ле Пен, как сообщается, прямо сообщила Макрону, что её депутаты не будут голосовать против этого правительства.

Была ли это просто политическая тактика в надежде на новый роспуск парламента в 2025 году, или же манёвр выходит за рамки типично французских парламентских интриг? Новый премьер-министр дважды был европейским комиссаром, занимал пост вице-президента Европейской комиссии и возглавлял переговоры ЕС по Брекситу; “конструктивное воздержание” со стороны сторонников Ле Пен может быть сигналом изменения их позиции в сторону европеизма.

Какая коалиция?

На момент написания статьи Барнье ещё не сформировал правительство и продолжает встречи с представителями всех политических течений. Сможет ли он расширить свою базу, включив в неё представителей от левых, сейчас или в среднесрочной перспективе? В противном случае, возглавляя правительство меньшинства, ему придётся зависеть от того, проголосуют ли НО или левая оппозиция за вотум недоверия. Напомним, что для смещения правительства необходимо абсолютное большинство; отсутствующие и воздержавшиеся, по сути, голосуют за сохранение действующей исполнительной власти.

В последние недели аналитика сосредоточилась на французской политической арене, оставив в тени другие переговоры о формировании коалиции – назначение комиссаров Европейской комиссии. Пока на национальном уровне власти Европы переживают электоральные лихорадки нового политического цикла, сможет ли европейская империалистическая демократия на континентальном уровне усилить свою позицию перед лицом глав государств и правительств? Укрепится ли роль Комиссии, находящейся в стороне от медийных и электоральных колебаний? Только реальный политический процесс даст ответы и покажет, способен ли европейский империализм ускорить шаг в условиях ставшей более агрессивной империалистической конкуренции.

Национальные особенности

В статье “Дилеммы стратегического отступления для американского президента” (Пролетарский Интернационализм. № 20. Апрель 2016) мы писали, что с точки зрения метода, *«в нашем материалистическом понимании империалистической конфронтации на мировых рынках сталкиваются несколько сотен гигантских концентраций финансового капитала и многие тысячи крупных групп»*. В этой борьбе *«концентрации капитала хватаются за политическую власть, государства, систему государств, международные организации и влияют на них»*. Однако борьба между державами *«не является простой калькой экономической борьбы»*.

Более того, *«чем больше аналитическая линза приближается к отдельному сражению или линии конкретного политического руководства, тем больше следует уделять внимание истории, течениям и политической культуре соперничающих держав, вплоть до материалистического анализа роли личности и действующих политических лидеров»*. С этой точки зрения, в общем контексте нового европейского цикла Франция имеет свои культурные и политические особенности, которые необходимо исследовать.

Призрак гражданской войны

В связи с недавними беспорядками в Новой Каледонии, эссеист Николя Баверез написал в *Le Figaro*, что «призрак гражданской войны преследует историю Франции»: «Наша страна изобрела современное государство, чтобы выйти из религиозных войн, абсолютную монархию, чтобы преодолеть “фронду”, наполеоновскую Империю, чтобы положить конец насилию времён Революции, Третью Республику, чтобы забыть о Коммуне, и Пятую Республику, чтобы изгнать режим Виши и справиться с трагедией Алжира». Автор продолжает, обращаясь к недавним проблемам: Франция «остаётся единственной развитой страной, которая последовательно пережила восстание “жёлтых жилетов”, массовые протесты против пенсионной реформы, городские волнения, которые опустошили 500 городов и оставили разрушения на сумму более одного миллиарда евро, восстание фермеров и, наконец, хаос в заморских территориях».

Бавереза часто относят к комментаторам-“пессимистам”, то есть тем, кто драматизирует ситуацию, чтобы подтолкнуть империалистическую Францию к реформам. Однако нас интересует не масштаб беспорядков или забастовок, а закономерность общественного выражения французской политической традиции. Театрализация политического “конфликта” и представление о своей стране как о неспособной к компромиссам являются лейтмотивами французского морального фактора и видения политической жизни.

На самом деле, необходимо конкретизировать эти суждения: социальная и политическая стабильность остаётся определяющим фактором общественной жизни, а медийная истерия регулярно преувеличивает явления, которые часто затрагивают лишь небольшие меньшинства. При этом на кону стоит не столько призрак гражданской войны, сколько способность французской буржуазии сохранить свой европеизм и удержать сильное лидерство в определении властей европейского империализма.

Президентство в ловушке

В более конкретном анализе французской политики, опубликованном на сайте Telos, Жиль Андреани, профессор Sciences Po, рассматривает причины и последствия роспуска Макроном Национального собрания в июне. Андреани пытается выявить корни «разболтанности» французских политических надстроек, а именно «гиперболизацию роли президента во власти и соответствующее яростное народное осуждение – двойное безумие, несовместимое с макроновским проектом правительства разума, основанного на объединении центров».

По мнению Андреани, «помрачение рассудка», приведшее к роспуску парламента, может быть связано с «тремя особенностями нашей политической системы, которые за семь лет его президентства были доведены до крайности: раздутая роль президента, упадок партий и неадекватность системы голосования». Таким образом, «прямое осуществление функции правительства Елисейским дворцом было усилено общей нестабильностью и уходом министров на задний план, за исключением редких случаев, а также организационной слабостью партии президента».

Мы можем констатировать, что должность французского президента, которую авторы Конституции 1958 года стремились освободить от “политиканства”, оказывается полностью вовлечённой в партийные игры и частично становится заложником требований телевизионной демократии и интернета. Президент оказывается не над схваткой, сосредоточившись на национальном и европейском усилении, а на передовой парламентских игр. Роль президента республики как “главы большинства” была даже усилена переходом к пятилетнему мандату и изменением избирательного календаря: законодательные выборы теперь проводятся после президентских. Кроме того, одно из весомых обвинений, выдвинутых против деятельности Макрона на посту президента перед назначением нового премьер-министра, заключалось в том, что он лично участвовал в переговорах с партиями, вместо того чтобы позволить парламентским силам попытаться найти большинство.

Сравнение институтов

В этом контексте политической фрагментации вновь возникает сравнение с Четвёртой Республикой. Часто это сравнение носит негативный характер, акцентируя потенциальную

неуправляемость нынешней политической сцены. Однако Дженни Рафлик, историк Университета Нанта и эксперт по этому периоду, в интервью *Le Monde* подчёркивает интересный аспект. Она акцентирует внимание на способности к компромиссу, часто недооценённой в политической истории Франции. По её мнению, неудачу прошлого режима следует воспринимать менее категорично: *«При Четвёртой Республике частая смена правительств не нарушала прочную политическую стабильность»*. Это не означает, что не было *«хрупкости большинства»* – 22 правительства между 1947 и 1958 годами, средняя продолжительность которых составила всего 7 месяцев, – *«тем не менее, вальс правительств не помешал принятию важных политических решений: были осуществлены глубокие экономические и социальные изменения, некоторые из которых получили продолжение и при следующем режиме»*. Например, в экономике именно при Четвёртой Республике *«Генеральный комиссариат плана определил ключевые направления, которые должны были значительно обновить экономику и преобразовать страну в долгосрочной перспективе»*. *«На международной арене Четвёртая Республика связала Францию с Атлантическим блоком, положив начало строительству Европы и программе ядерной обороны»*. *«Важную роль в этом процессе сыграла и стабильность высшей гражданской службы»*.

Мы можем подчеркнуть, что те времена, конечно, были другими. Франция переживала стратегический кризис – поражение во второй мировой войне и колониальный кризис, – но и социал-демократизация была в своей восходящей фазе. Удастся ли французскому и европейскому империализму реализовать структурирующие проекты, несмотря на нестабильную политическую ситуацию? Если перспективы увеличения доходов и социального перераспределения становятся все более слабыми, европейские надстройки, тем не менее, выглядят гораздо более консолидированными по сравнению с концом войны и могли бы выполнять более активную роль.

Сентябрь 2024 г.